Однако построение политических профилей конкретных социумов требует уже специальных, в т.ч. – количественных исследований, что уже выходит далеко за рамки данной работы.

***

1. Жювенель Б. Власть. Естественная история, ее возрастания. М., 2010.
2. Кожев А. Понятие власти. М., 2007.
3. Михник А. Антисоветский русофил. М., 2010.
4. Тульчинский Г.Л. О природе свободы // Вопросы философии. 2006. № 4. С. 19–28.
5. Тульчинский Г.Л. Свобода и смысл. Новый сдвиг гуманитарной парадигмы. (Российские исследования в гуманитарных науках. Том 16). The Edwin Mellen Press. Lewiston-Queenston-Lampeter, 2001.
6. Тульчинский Г.Л. Тело свободы. СПб.: Алетейя, 2006.
7. Тульчинский Г.Л. Этапы политической институционализации: от идеи к институту; Идеи: источники, динамика и логическое содержание // История идей как методология гуманитарных исследований. СПб.: Центр истории идей, 2001. Часть 1. Философский век. Альманах 17. С. 28–58.
8. Шенк Х. Зависть. Теория социального поведения. М., 2010.

УДК 17+340 (343)

Н.Ф. Зюзев

«Больной» вопрос. Заметки по дискуссии о практике и теории пыток

Статья посвящена юридическим и социальным практикам и философским аспектам пытки. Автор рассматривает наиболее значимые подходы к этой проблеме в современной научной мысли и юридической теории.

Ключевые слова: пытка, жертва, мораль, свобода, жизнь

The article is devoted to the legal and social practices and the philosophical aspects of torture. The author considers the most significant approaches to the problem of torture in the contemporary scientific thought and jurisprudence.

Key words: torture, victim, moral, freedom, life.

I

Проблема пытки стала темой оживленной дискуссии среди философов и моралистов после знаменитой статьи Генри Шу «Пытка», напечатанной в 1978 г. [8]. Автор отмечал, что пытка стала обычным делом в

© Н.Ф. Зюзев, 2011

практике разного рода силовых ведомств и продолжает быстро распространяться. Более того, приходится то и дело слышать академически аргументированные оправдания этого средства дознания, что заставляет всерьез отнестись к чисто теоретической стороне вопроса.

Основная мысль сторонников допустимости пыток, отмечал Шу, состоит в ее сопоставлении с убийством. Поскольку убийство в некоторых случаях, например, на войне, является оправданным, то и в случае пытки – если обстоятельства схожи с боевыми – аналогичное разрешение можно дать. Все рассуждения подобного рода покоятся на том принципе, что пытка все-таки меньшее зло, нежели убийство. Убийство – это «полное разрушение» индивида, тогда как пытка – лишь «частичное», и, следовательно, иногда морально позволительно. Ошибка таких размышлений, говорит Шу, кроется в предположении, что причиненный вред рассматривается как единственное возражение против пытки. На самом же деле, вполне возможно, что некоторые оправдания «большего вреда» вовсе неприложимы к «меньшему вреду».

Шу ссылается на принципы современного ведения войны и ограничения, налагаемые на нее международными законами и соглашениями. Например, воюющие стороны должны делать различие между участниками боевых действий и мирным населением и не применять оружие против последних. Беззащитность – это та общая характеристика, которая свойственна и мирному населению, и жертвам пыток, и если мы все-таки верим, что иногда пытка позволительна, то необходимо поставить потенциальную жертву в такую ситуацию, в которой он не был бы совершенно беззащитен, то есть обладал бы определенной свободой действия. Минимальным условием в этом плане должно быть условие, что если жертва подчиняется и, к примеру, выдает требуемую информацию, то пытка прекращается. Шу называет это «ограничением возможного послушания» (the constraint of possible compliance). В этом случае возможны три варианта событий. Первый, если жертва под давлением предоставляет нужную информацию – то пытка действительно прекращается. Во втором случае дело может принять неожиданный оборот. Предположим, что жертва достаточно цинично относится к своим патриотическим обязанностям и готова выдать любую тайну, но вся штука состоит в том, что ей нечего рассказать. Тем не менее мучители убеждены (или подозревают), что это не так, и прибегают к пытке для получения сведений. Истязание в таком случае, не принося никакого результата, может продолжаться бесконечно. Третий вариант возникает, если жертва абсолютно преданна своей стороне, и для нее «предать своих» не менее ужасный выбор, чем претерпеть страшные физические мучения. В этом случае «ограничение возможного послушания» непримени-

мо (у жертвы фактически отсутствует выбор), и любые пытки становятся морально недопустимыми.

Мы видим, утверждает Шу, что пытка не находит никакого оправдания. Даже первый случай выглядит солидно лишь в теоретическом плане, но на практике легко превращается во второй вариант, так как необходимы будут дополнительные условия и обстоятельств, чтобы у допрашивающей стороны не осталось сомнений, в том, что жертва сказала правду и всю правду. Недоверие же будет побуждать мучителей к продолжению «процедуры».

Приведенные аргументы требуют учета исторического контекста статьи. Речь идет о «классической» войне, в которой автор, очевидно, пытается остаться «над схваткой», не считая ни одну из сторон воплощением «абсолютного зла». Именно в таком смысле становится понятным его рассуждение, касающееся третьего случая, когда идейная убежденность врага становится достаточным основанием для оценки пытки как «аморальной». Кстати, нельзя пройти мимо явного противоречия в его аргументации. Он начинает с условия выбора (то есть наличия минимальной свободы) для жертвы, а заканчивает тем, что пытка оправдывается по принципу ее продуктивности (то есть утилитаристскому основанию) в отношении жертв первой группы, которых, оказывается, можно пытать, потому что они «что-то скажут». Иначе говоря, его попытки сформулировать моральный аргумент против пытки на деле оборачиваются соображениями утилитаристского характера, а это показывает, что неточно была выбрана та моральная характеристика (свобода), на которой он пытался построить свои рассуждения. Совсем другое дело, если сами последствия применения пытки могут быть оценены по некой моральной шкале с целью оправдания этой практики. При этом, конечно, предложить какую-то системную конструкцию будет крайне сложно, так как отдельные случаи будут весьма специфичны, и, возможно, речь пойдет о единичных решениях по единичным случаям.

Собственно, он и приходит к такому выводу, когда в конце статьи формулирует ставшую знаменитой метафору «тикающей бомбы», где описывает гипотетическую ситуацию с арестованным террористом, который заложил в Париже ядерную бомбу. Времени на эвакуацию людей нет, а потому нет и выбора. Автор признает, что в таком случае пытка неизбежна. Но оговаривается, что случай слишком фантастический, чтобы принимать его всерьез. И именно в силу практической невозможности (или, в крайнем случае, исключительности) таких событий вопрос о легализации и институционализации пытки не должен ставиться. «Дистанция между ситуациями, которые приходится фабриковать, чтобы получить достоверный случай морально оправданной пытки, и си-

туациями, которые случаются в реальной жизни, если таковая есть, является еще одним основанием, почему существующий запрет на пытки должен оставаться в силе и даже быть усилен посредством объявления пытки международным преступлением. Акт пытки должен оставаться нелегальным, так чтобы каждый, кто искренне верит в необходимость такого действия как наименьшего необходимого зла, поставил бы себя в положение, которое требует оправдания его (или ее) действий ради своей защиты перед правосудием. Палач должен быть примерно в том же положении, что и человек, который совершил акт гражданского неповиновения. Каждый, кто думает, что применение пытки оправданно, не должен иметь другой альтернативы, кроме как пытаться публично убедить других, что все необходимые условия для морально оправданных действий были исчерпаны» [8, p. 143].

Здесь следует сделать два замечания. Во-первых, теперь он говорит уже о совсем другом типе войны – войне с терроризмом, которая в год опубликования статьи еще казалась чем-то непредставимым. В теперешней же ситуации, когда террористические акты с многочисленными жертвами стали чуть ли не обыденным явлением, об исключительности случая «тикающей бомбы» (пусть даже и не в ядерном варианте – суть от этого не меняется) уже говорить не приходится. Во-вторых, здесь ясно видно, что именно соображения о практических последствиях применения пытки становятся мерилом для принятия решений. Иначе говоря, единственным критерием для характеристики и оценки поведения становятся принципы утилитаризма. А раз мы говорим о последствиях, то взвешивая на весах жизнь невинной жертвы и страдания жестокого злоумышленника, не приходится долго колебаться в поисках ответа.

Работа Шу, по понятным причинам, по-настоящему актуальной стала лишь в последнее десятилетие. Сейчас продолжается активная дискуссия вокруг поднятых им проблем. В данной статье мы коснемся только двух аспектов этих споров: некоторых попыток доказать абсолютную неприемлемость пыток даже в самых экстремальных ситуациях и нашумевшего предложения Алана Дершовица о введении «ордеров на пытки».

II

Аргумент «тикающей бомбы» по-прежнему сохраняет свою убедительность и весомость, оставаясь вызовом для радикальных противников пыток. Вместе с тем, согласие, что в подобном случае пытка абсолютно оправданна, логически ведет к дальнейшим потенциальным обстоятельствам, в которых угроза «смягчается», но никакого выбора по сути не оставляет. Когда пытка становится морально неприемлемой? Если на одной чаше весов физические страдания террориста, а на дру-

гой жизнь миллиона, ста тысяч, сотни, десяти, одного человека? Ведь принципиальной разницы – если взять проблему с деонтологической точки зрения («поступай согласно такой максиме, которая в то же время сама может стать всеобщим законом») – при выборе между гибелью миллионов, тысяч, сотен или десятков людей, с одной стороны, и причинением боли одному негодяю, с другой, нет. Ни при каких условиях мы бы не хотели, чтобы пытка рассматривалась как «нормальный» инструмент правовой практики. Так где же провести границу, которая покажет точку, в которой деонтологические принципы преодолеваются утилитаристскими аргументами.

Вариант таких размышлений приводит Шеймос Миллер, показывая, что нет никакой необходимости прибегать к фантастическим ситуациям «тикающей бомбы», чтобы убедить людей в обоснованности применения пытки [5]. Подобные драмы возникают практически ежедневно в деятельности полиции любого государства. Он берет реальный пример из работы полиции Нового Южного Уэльса (Австралия). У женщины угнали машину, когда она на заправке вышла из автомобиля. В салоне, на заднем сидении, остался ее трехлетний больной сын. Она обратилась в полицию, где ее успокоили, что угонщик, скорее всего, бросит машину, когда заметит мальчика. Так и случилось. Но когда преступника поймали (его запечатлели камеры слежения, и полиция, поднятая по сигналу, схватила его на вокзале, когда он пытался покинуть город), он отказался признать свою вину и указать место, где оставил машину. При жарком австралийском лете машина с выключенным кондиционером раскаляется за считанные минуты, и получаса было бы достаточно, чтобы мальчик либо умер, либо же получил необратимые повреждения мозга. Попытки убедить или запугать преступника не дали результата – он упрямо отрицал содеянное. Тогда его стали избивать. Избиение продолжалось, пока до его сознания не дошло, что наименьшим злом было бы сказать правду. Мальчика нашли вовремя.

Автор не выражает никаких сомнений в том, что полиция действовала оправданно. Жизнь и здоровье мальчика стоили того, чтобы пойти на жестокость со злоумышленником. Речь не обязательно должна идти о массовых жертвах. Одной невинной жизни достаточно, чтобы сделать выбор очевидным.

Подобного рода примеры показывают, что существуют, по крайней мере, некоторые случаи, когда пытка не только оправданна, но и необходима, и отказ от ее применения является большим злом, нежели причинение боли преступнику. Хотя, конечно, это не служит тотальному оправданию пыток. Равно как это не решает дилемму крайне трудных случаев, например, предложенную в фильме «Unthinkable» (USA, 2010),

в котором агентам спецслужб приходится иметь дело с террористом, заложившим ядерные бомбы в трех американских городах. В конечном счете, они встают перед выбором либо смириться с тем, что бомбы взорвутся и погибнут десятки миллионов невинных людей, либо же попробовать добиться информации от злоумышленника, подвергнув пытке у него на глазах его малолетних детей. Вся эта драма демонстрирует не то, что здесь мы решаем проблему пыток в принципе, а лишь то, что бывают случаи невероятно тяжелые, где любой выбор становится практически равно ужасным. Но важно, что существуют более простые ситуации, когда и моральное чувство, поддержанное философской и этической аргументацией, и здравый смысл недвусмысленно высказываются в поддержку применения крайних мер.

Можно ли, тем не менее, найти какие-то возражения против пыток даже в этих вроде бы бесспорных случаях?

Среди тех, кто выступает категорически против пытки – имея в виду не только неприятие пытки как инструмента решения конфликтов (прежде всего, в «войне с терроризмом») – но и в целом, без всяких исключений, можно назвать профессора Оксфордского университета Дэвида Родэна [6]. В целом его позицию можно описать следующим образом. Общество в своей деятельности опирается на систему ценностей и норм, необходимых для его целостности и устойчивого существования. Эти же ценности, точнее, обязанность защищать их, мы делегируем правительству и всем органам власти – во всяком случае, так обстоит дело в странах с прочными демократическими традициями. А ввиду того, что явное большинство населения (Родэн ссылается на различные статистические опросы), от 60 до 75 %, категорически выступает против пытки, то, соответственно, обязанность правительства – полностью исключить пытку из практики правительственных институтов. Речь здесь идет даже о самых крайних ситуациях – включая случай «тикающей бомбы».

Какую же моральную основу он подводит под свои рассуждения? Его мысль заключается в том, что предпочтение этических соображений любым другим, даже тем, при которых ставкой является человеческая жизнь, осуществляется нами постоянно. Он приводит пример из жизни сельских районов, жители которых часто отказывают муниципальным и федеральным властям в проведении скоростных автострад через их территорию, мотивируя это тем, что новые трассы разрушили бы красивые сельские ландшафты. То есть, красота пейзажа явно важнее, чем безопасность водителей и пассажиров (очевидно, что автострады заметно безопаснее, чем двухполосные извилистые сельские дороги). Итак, мы предпочитаем сохранить идиллический пейзаж за окном, фактически

жертвуя ради него человеческими жизнями, которые бы спасло скоростное шоссе. Что же говорить, когда в дело вступают более высокие ценности! Простейшим примером в этом смысле могло бы быть искусство – огромные деньги, вкладываемые государством и меценатами в эту сферу, конечно, могли бы быть куда более целесообразно и эффективно – имея в виду сугубо практические цели – потрачены на медицину или безопасность. Это бы спасло жизни, в то время как искусство, строго говоря, бесполезно. Однако же люди занимаются искусством, и деньги туда поступают, так как – и в этом мысль Родэна – это важнейший компонент нашей системы ценностей, того механизма, который сохраняет нас именно как человеческое общество и предотвращает его от превращения в циническое собрание индивидов, чьи интересы, по сути, не превышают животного уровня. Таким образом, мы постоянно и на разных уровнях делаем тяжелый выбор в пользу чисто человеческого, гуманистического, жертвуя жизнями, но спасая себя самих от превращения в «корпорацию монстров».

Свои доказательства против применения пыток (как метода проведения допросов) приводит Дэниел Хилл [3]. Суть его аргумента сводится к различению позитивных и негативных моральных обязанностей. Позитивные касаются случаев, когда мы обязаны сделать что-либо, а негативные – когда должны воздержаться от действия. Например, полицейский противостоит террористу, который собирается нажать кнопку бомбы и удерживать ее в таком состоянии (необходимое условие для совершения взрыва), и стреляет ему в ногу, причиняя ему боль и заставляя его отнять руку от кнопки. Хилл полагает, что в этой ситуации действия офицера оправданны, поскольку террорист должен был воздержать от совершения взрыва (негативная обязанность), а полицейский способствовал должному обороту событий. Обратная ситуация, когда террорист уже нажал кнопку, которая должна «залипнуть» и оставаться в таком положении десять секунд, чтобы произошел взрыв. Теперь офицер стреляет ему в ногу, требуя отжать кнопку и предотвратить взрыв (по условию это может сделать только человек с отпечатками пальцев террориста). Офицер не имеет морального права причинять боль в данной ситуации, поскольку здесь речь идет о позитивном праве – сделать что-то, а посторонние лица не «уполномочены» вторгаться в эту область свободной воли человека.

Хилл в обоих случаях ссылается на «интуитивное» понимание моральной дилеммы. Чтобы проиллюстрировать разницу между негативными и позитивными обязанностями, он предлагает дополнительные гипотетические ситуации.

«Спасение на водах». А должен сделать выбор: В столкнул в воду

его отца и жену, он же может спасти только одного из них. А проплывает мимо отца и спасает жену. Негативной обязанностью в данном случае была обязанность В воздержаться от сталкивания в воду кого-либо. Позитивная обязанность А заключалась в спасении отца, но он уклонился от нее. Интуитивно очевидно (по мнению Хилла), что негативная обязанность гораздо сильнее, так как даже если спасение жены, а не отца было дурным поступком, то не столь дурным, как поступок В. Таким образом, негативные обязанности сильнее, и посторонним позволено делать больше, чем в случае с позитивными обязанностями, с целью удержать человека от нежелательного акта. Применительно к пытке это говорит о том, что нельзя (негативная обязанность) посредством боли заставить кого-то реализовать его позитивную обязанность.

«Эксперт». Найдена «тикающая бомба», и единственный, кто может ее обезвредить, – это отошедший от дел эксперт. Он в данный момент находится у постели умирающей жены и отказывается сотрудничать. В данном случае мы имеем дело с «позитивной» обязанностью, и хотя эксперту следовало бы участвовать в спасении невинных жизней, но принуждать его к этому посредством истязаний было бы абсолютно непозволительно. Это бы означало, что позитивная обязанность берет верх над негативной (обязанностью воздержаться от пытки).

Хилл поясняет, что его примеры показывают, как работает аргумент самозащиты в случаях с пыткой. С одной стороны, когда мы можем заставить террориста отказаться от его замысла (принудить к исполнению негативной обязанности) посредством боли, это морально допустимо. С другой же стороны, мы не можем посредством боли принудить его, к примеру, выдать расположение бомбы или обезвредить ее. В последнем случае наши негативные обязанности (не делать зла в любой форме) преобладают.

Аргументация и Хилла, и Родэна вызывает целый ряд возражений.

Начнем с того, что Хилл, похоже, неправильно применяет свой собственный прием противопоставления «негативных» и «позитивных» обязанностей. В примере с террористом различение между разрешением стрелять, когда тот собирается взорвать бомбу, и запретом, когда необходимо заставить его предотвратить взрыв, имеет бессодержательно формальный характер. Мы может абсолютно с тем же успехом квалифицировать обе ситуации как соответствующие «негативному» требованию: подчиняясь требованию отжать кнопку, террорист следует негативному моральному принципу «не убий». Возьмем частый для моральных рассуждений пример: самолет при подлете к большому городу терпит аварию, и пилот стоит перед дилеммой – либо выпрыгнуть с парашютом и спасти свою жизнь, но тогда сотни людей на земле могут по-

гибнуть, либо же остаться за штурвалом и попробовать вывести самолет за пределы городской черты, но в этом случае погибнет он сам. Здесь негативное правило «не убий» неприменимо, так как никакой вины пилота в отказе двигателя нет, как не было в его действиях и никакого намерения убить кого-либо. Следовательно, мы берем в расчет только собственную волю летчика: его решение пожертвовать своей жизнью или нет ради спасения других. Если он последует этому «позитивному» требованию, то заслужит (посмертную) репутацию героя, если же нет – то злодеем его вряд ли можно считать. Предположим, что он и город спас, и сам в последний момент успел выпрыгнуть. Безусловно, в таком случае мы можем сказать, что он «спас» людей. Предположим также, что террорист в последний момент передумал и предотвратил взрыв – вряд ли кому-то придет в голову назвать его «спасителем». Это показывает, что пилот и террорист находятся в абсолютно разных моральных ситуациях, и последний никак не является «неприкосновенным» в этическом плане.

Теперь немножко изменим ситуацию. Предположим, что пилот находится под контролем наземных служб, которые пытаются спасти горожан. Каждый раз, когда пилот пробует оторвать руки от штурвала и дотянуться до кнопки катапультирования, его пронизывает нестерпимая боль, сигнал для которой посылается с земли. Для наземных служб именно спасение большого числа невинных жителей является приоритетным («не убий» как главный принцип при проведении полетов и касающийся мирного населения в первую очередь). Если люди погибнут – не пилот, а именно руководители полетами будут нести ответственность. Они выбирают между спасением людей («негативная» обязанность) и пилота («позитивная»). Если приходится пожертвовать летчиком, то его смерть вызовет у нас сочувствие, чего никак нельзя будет сказать о террористе.

Кроме того, из последнего примера ясно, что Хилл путается, противопоставляя «негативные» и «позитивные» обязанности, действующие в разных моральных субъектах. На деле эта оппозиция уместна, когда мы говорим о внутренней дилемме. Например, ее нет в пилоте: авария самолета не его вина, и он имеет дело только с «позитивной» обязанностью. Но она присутствует в руководителях полетами, равно как и в полицейском, стреляющем в террориста («спаси людей» и «не причиняй боль»). Выбор же, очевидно, делается на утилитаристских основаниях и лишь подтверждает, что при определенных условиях пытка морально допустима.

Особого замечания заслуживает аргумент «эксперт». Похоже, что сочувствие к специалисту должно остановить нас от применения боли к

нему, даже несмотря на то, что это будет стоить огромных жертв. И все-таки с этим аргументом «что-то не так». Ошибка в данном случае менее очевидна и имеет характер не логический, а скорее, методологический. Вспомним популярный в современной аналитической философии прием «возможных миров», который предполагает возможность проведения любых мысленных экспериментов при условии, что гипотетическая ситуация соответствует физическим законам. К примеру, таковым является знаменитый аргумент Хилари Патнэма «Земля-Двойник» (Twin Earth), с воображаемой копией нашей планеты, при том единственном отличии, что на двух небесных телах вода имеет разную химическую структуру. Аргумент Хилла «эксперт» в этом смысле вполне удовлетворяет физической структуре мира. Но дело в том, что такой подход при решении моральных дилемм абсолютно неудовлетворителен. Если мы строим какую-то ситуацию, требующую этического решения, она должна, по крайней мере, соответствовать рациональным психологическим условиям. Эксперт любит свою умирающую жену и отказывается ее покинуть – это все по-человечески понятно. Но абсолютно непонятно, почему при этом он игнорирует угрозу жизни множества невинных людей или, предположим, уговоры самой его супруги оставить ее и заняться спасением других – думается, именно таковой должна быть нормальная реакция здравомыслящего человека. Понятно, что здесь властвуют эмоции, но точно также понятно, что они подавляют веления и разума, и здоровой моральной интуиции. Аргумент просто неприменим для решения типовых моральных дилемм, поскольку сама ситуация, описанная в нем, является психологически маргинальной.

Подход с подобной методологической позиции особенно важен, так как главное возражение против аргумента «тикающей бомбы» заключается в утверждении, что такая ситуация практически просто невозможна: и бомба нужна, и пойманный террорист, и наша убежденность в том, что он владеет необходимой информацией, и т.д. То есть подразумевается, что данный мысленный эксперимент не удовлетворяет требованиям хотя бы минимальной достоверности. Но в том-то и дело, что когда мы имеем дело с моральными дилеммами, критерием реальности является моральная достоверность ситуации, а не практическая. В этом смысле «тикающая бомба» не более невероятна, чем уже упоминавшаяся ситуация с австралийскими полицейскими. Зато аргумент «эксперт», точнее, как он представлен, лишен этической достоверности.

Видным критиком доказательства от «тикающей бомбы» является профессор Джорджтаунского университета Дэвид Лубен. Он особо подчеркивает, что этот прием изменяет всю перспективу мышления о проблеме, уводя ее от принципиального решения на основе размышления

об общих моральных представлениях о пределах допустимости в либеральной демократии в сторону одного, при этом фиктивного, частного случая, который должен опровергнуть любые обобщения. «Тикающая бомба предоставляет картину, которая околдовывает нас. Настоящая же дилемма не между болью одного виновного человека и сотнями невинных жизней. Дилемма в другом: между несомненностью боли и вероятностью получения информации о чем-то важном и способствующем спасению жизней. А прежде всего, это вопрос о том, может ли ответственный человек, не моргнув глазом, помыслить о немыслимом и принять, что мораль пытки следует решать на сугубом суммировании цены и прибыли. Как только ты соглашаешься, что цифры важны, тогда что угодно, не важно сколь мерзко, становится возможным» [4, p. 1444]. Рассуждения Лубена весьма типичны для критиков аргумента «тикающей бомбы»: он противопоставляет единичный случай (практически невозможный, по его мнению) моральным принципам, организующим жизнь демократического общества в целом. Его мысль можно выразить примерно так: если даже в одном единственном случае мы согласимся с применением пытки, это исключение из правила ни в коем случае не отменяет само правило. А поскольку и этот гипотетический случай – чистая фантазия, то полная нетерпимость к пыткам остается в силе. Легко увидеть, что Лубен повторяет популярную ошибку: он читает знаменитый аргумент буквально, пропуская его психологическую достоверность (которая идентична для приведенного выше реального примера из работы австралийских полицейских).

Позиция Родэна при ближайшем рассмотрении также не выдерживает критики. Не говоря уже о том, что любая статистика против пыток, подобная той, что он приводит, может быть легко оспорена (я могу сослаться на собственные неоднократные опросы, проведенные среди студентов, которые показывают обратную картину), но и в самой сути его тезисов есть серьезные пробелы. Пример с хайвэями не говорит вообще ни о чем, так как мы можем сказать, что люди здесь просто принимали неправильное решение, ориентируясь на искаженные эстетические или материальные ценности. Инвестиции же в искусство и культуру (а не в медицину и охрану порядка) также легко объяснить, не прибегая к рассуждениям о самосохранении человечества через культурные и эстетические ценности. Мы можем, например, сказать, что люди начинают инвестировать в искусство и культуру, когда возникает избыток средств, а дальнейшие вливания в полицейскую и медицинскую систему уже не столь эффективны. Или же высказать мысль о том, что искусство (и высокое, и низкое) важно для сохранения психического баланса и здоровья населения (в сугубо медицинском смысле). Иначе говоря, все

спекуляции в этой области на предмет нравственной самоидентификации человечества настолько произвольны и недоказуемы, что сами, пожалуй, относятся, скорее, к сфере искусства, нежели рациональной моральной философии.

Позиции Хилла, Лубена и Родэна стоят рассмотрения уже потому, что на их примере видны те огромные трудности, с которыми сталкиваются радикальные противники пыток в своей аргументации.

III

Однако это не делает жизнь их оппонентов легче. Любая теория в пользу легализации и институционализации пыток также имеет дело с колоссальными трудностями.

Большинство экспертов склоняется к мысли, что легализация пытки недопустима в принципе. Речь может идти лишь о разовых случаях, некоторых исключениях, процедура которых должна быть строго описана и урегулирована, каждый случай применения должен расследоваться, а ответственные лица – если допущены нарушения процедуры – строго наказываться. Конечно, это тоже некоторая легализация, но в крайне ограниченном варианте. И это понятно – любая процедура, делающая применение пыток более «обыденным», привела бы к немыслимым злоупотреблениям.

Еще один аргумент – это несовместимость пытки с самим духом демократического общества. Пытка – это метод из практики террористов, и даже в период «войны с терроризмом», объявленной США и их союзниками после терактов 11 сентября 2001 г., использование «вражеского арсенала» может привести к непоправимому урону для структуры и принципов современной демократии.

Тем не менее это не означает, что в отдельных случаях этот крайний метод не может быть применен. Но как объяснить и установить подобную процедуру? Наиболее известны в данном направлении, пожалуй, работы профессора Гарвардского университета Алана Дершовица, равно как и его активная деятельность по пропаганде своих идей. Он предлагает ввести систему специальных «ордеров» на пытки, которые выдаются в определенных экстренных ситуациях, когда другие способы урегулирования кризиса представляются нереалистичными.

Дершовиц в целом против «нормативного» использования этого метода в практике силовых ведомств. Но он считает, что если общество столкнется с угрозой массового терроризма, то неизбежно придется прибегнуть к этому крайнему средству, и люди, безусловно, поймут и одобрят этот способ защиты. Вот в этом-то случае как раз и следует ввести формальное регулирование пыток, чтобы избежать стихийного

применения и потенциального злоупотребления ими. Цель этих формальностей – введение ответственности и прозрачности в практике.

Побочная моральная проблема, возникающая при этом, касается того, а как объяснить – в чисто теоретическом плане, помимо любых практических соображений, наподобие опасности открыть «ящик Пандоры» – расхождение между разрешением на пытку в моральном плане и запретом на нее в плане юридическом. Обычно ссылаются на принципиальную разницу между правом как «тупым» инструментом и моралью как «острым» орудием. К примеру, Фредерик Шауэр пишет о приблизительности в правилах скоростного лимита на американских дорогах [7]. Он равен 65 милям в час и совершенно не учитывает множества деталей, которые при этом возникают. Например, опытный водитель, едущий в прекрасную погоду по сухому пустому шоссе со скоростью в 75 миль должен быть оштрафован, в отличие от другого водителя, который будет соблюдать лимит скорости, но при этом ехать по перегруженной дороге, в условиях плохой видимости, по мокрому асфальту и без достаточных навыков езды по скоростным автострадам. Очевидно, что первый водитель едва ли создаст опасность на трассе, тогда как второй вполне может стать причиной дорожного инцидента. Или предположим, вы едете со скоростью 65 миль и 1 ярд в час: формально вы нарушитель, а по сути, вы дисциплинированный водитель. Все дело в том, что законодатели вынуждены прибегать к обобщениям частных случаев и, пренебрегая нюансами, выводить на их основе общий стереотип, который бы более или менее точно определял и регулировал порядок на дорогах. Но уже сама процедура предполагает, что мы будем иметь ситуации за пределами компетенции этого закона.

Точно так же обстоит дело и с пытками. Закон их запрещает, но в силу неспособности права учитывать и точно описывать все практические коллизии, иногда придется делать исключения (предписанные моралью, которая требует точного решения каждой этической дилеммы). Таким образом, то, что предлагает Дершовиц, это описание «правил для исключений» – как бы внутренне парадоксальным ни выглядело такое определение.

Главная цель, достигаемая «ордерами», это регулирование и сокращение до минимума нынешнего злоупотребления пытками, которое широко распространено в полиции и других силовых служб. Именно неупорядоченность этого явления и молчаливое попустительство начальства, в силу эффективности этой практики, поддерживают ее существование. «Ордера» ввели бы механизм регулирования и отделения оправданных случаев применения пыток от неоправданных.

Похожая система работала в Израиле в целях предотвращения тер-

рористической деятельности, но в 1999 г. Верховный Суд страны отменил разрешение на любого рода физическое давление на задержанных террористов. «Мы понимаем, что это решение не облегчает проблемы реальной жизни. Такова судьба демократии, поскольку не все средства ей доступны и не каждая тактика, применяемая ее врагом, разрешена ей самой. Хотя демократия вынуждена воевать с одной рукой, заложенной за спиной, она тем не менее имеет преимущество. Защита Права Закона и признание свободы индивида составляют важный компонент в понимании безопасности. В конечном счете, они укрепляют ее дух и позволяют ей преодолеть трудности» [1]. Такова позиция, занятая правительством Израиля, несмотря на все политические и военные трудности этой страны. Вместе с тем Дершовиц полагает, что израильтяне сделали ошибку, отказавшись от этой эффективной тактики. Как пример в поддержку своей позиции он приводит случай из американской правовой практики. В 1984 г. одному из апелляционных судов США пришлось разбираться в претензиях к полицейским, которые применили силу против преступника, участвовавшего в похищении человека. Один из соучастников, явившийся за выкупом, был схвачен полицейскими, и ему выкручивали руки и душили, пока он не сознался в местонахождении жертвы. Суд решил, что действия полицейских по спасению похищенного были правомерны [2].

Идеи Дершовица не раз критиковались радикальными противниками пыток, но в своей критике они упускают, по крайней мере, два существенных момента.

Во-первых, отрицание пыток фактически превращается в потворство им, так как в этом случае не будет вовсе никакого инструмента сдерживания злоупотреблений, и власти разного уровня будут смотреть сквозь пальцы на происходящее в силовых структурах, поскольку главное, в чем они заинтересованы, это эффективность этих институтов, а пытки потому и существуют, что дают результат. Предложение Дершовица, будучи реализованным, могло бы действовать как отмена «сухого закона», ставя нежелательную практику под контроль. Дершовиц считает, что люди неминуемо будут пытать (как будут пить), а потому его идея продиктована единственно желанием по возможности уменьшить нежелательные последствия и нелегальный расцвет насилия. Дело, между прочим, не только в контроле, но и в реальном сокращении физических истязаний, которое должно стать результатом системы «ордеров»: она дает ответственным органам четкий правовой инструмент для отсекания незаконных явлений и, таким образом, дисциплинирует служащих и чиновников.

Во-вторых, в дебатах вокруг пытки совсем потерялся человек, который персонально решает сиюминутную дилемму «пытать или не пы-

тать?». Обычно все рассуждения сводятся к тому, а где взять таких «садистов», кто и как будет их готовить, и не разведется ли их слишком много. Почти никто не задумывается над ситуацией (в смысле «этики ответственности» – по Максу Веберу), в которой человек долга вынужден решать проблему, связанную со спасением человеческих жизней, и решать ее немедленно, будучи в то же время связанным строгими нормами служебного этикета и собственной совести.

Шеймос Миллер, допуская разовое применение пыток в исключительных случаях, затем задается вопросом «что следует предпринять по отношению к армейскому офицеру, полицейскому или другим государственным служащим, которые пытают террориста, если – после спасения города – их преступление раскрыто? Совершенно очевидно, что данный государственный служащий должен предстать перед судом, его следует осудить, а если его вина доказана, то приговорить за преступление в совершении пытки… Более того, он (или она) должны подать в отставку или быть уволены с должности; общественные институты не могут терпеть в своих рядах тех, кто совершает серьезные преступления» [5, p. 190].

Фактически это осуждение любой акции по спасению людей с использованием данного экстремального способа, даже если он был бы абсолютно необходим. Много ли после этого найдется офицеров, желающих жертвовать своей карьерой, семейным благосостоянием и будущим? Не говоря уже о внутреннем противоречии между только что данным разрешением и немедленной карой, следующим за действия в соответствии с данным разрешением. По сути это приказ «делай что угодно, но так, чтобы этого никто не знал», то есть рецепт, который только загоняет проблему глубже в сферу нелегальных акций. Между тем человек, который принимает решение на собственный страх и риск (возьмите австралийских или американских полицейских в приведенных выше примерах) фактически сам остается беззащитным. Что-то представляется интуитивно неправильным в таком положении.

Добавьте к этому простое соображение, что при отсутствии системы ордеров каждый полицейский, применяющий силу, фактически совершает преступление и должен быть сурово наказан, даже если он морально прав. Этот случай на самом деле подпадает под более широкую категорию проблем, когда право и мораль вступают в конфликт в силу их разной природы – в плане «тупой» и «острой» инструментальности. Каждому чиновнику на его рабочем месте время от времени приходится нарушать правила ради интересов дела, и «мудрое начальство» смотрит на это сквозь пальцы, понимая, что никакое законодательство, уставы или положения не могут учесть всего многообразия жизни. Вся разница

с полицией в том, что здесь слишком высоки ставки (мы говорим о человеческих жизнях, конечно же) и слишком велико нарушение (грубейшее попрание человеческих прав, морали и гуманности). Поэтому для полицейского не подходит выбор обычного чиновника, который может быть просто педантом-буквоедом, безразличным к сложностям реальной жизни, или же разумным профессионалом, предпочитающим принимать оптимальные решения, даже если они идут вразрез с регламентом. Дершовиц и пытается решить его дилемму.

Впрочем, по всей видимости, его предложение вряд ли имеет реальные шансы на применение. Кстати, сам Дершовиц неоднократно подчеркивал, что является в принципе противником пыток, но реалии жизни заставляют его признать, что искоренить их из жизни и практики разных силовых ведомств невозможно. Поэтому он и предлагает свое решение. А так как оно не принято, жизнь продолжается по принципу «двойных стандартов»: публично демократические государства и все, кто определяет себя как таковые, осуждают применение пыток, фактически же потворствуют их негласному распространению.

***

1. Public Committee. Against Torture v. Israel // International Legal Materials. Vol. 38. P. 1471–1473.

2. Dershowitz Alan M. The Torture Warrant: A Response to Professor Strauss. New York Law School Law Review. 2004. Vol. 48. Iss. 1–2. P. 285–286.

3. Hill Daniel. Ticking Bombs, Torture, and the Analogy with Self-Defense. American Philosophical Quarterly, 2007. Vol. 44. Number 4. P. 395–404.

4. Luban David. Liberalism, Torture, and the Ticking Bomb. Virginia Law Review, 2005. Vol. 91.

5. Miller Seumas. Is Torture Ever Morally Justifiable? // International Journal of Applied Philosophy. 2005. 19:2. P. 179–192.

6. Rodin David. Terrorism Without Intention, Ethics, 2004. Vol. 114. P. 752–771; War and Self-Defense, Ethics & International Affairs, 2004. Volume 18. No. 1. P. 63–68; «The Ethics of Asymmetric War» in The Ethics of War: Shared Problems in Different Traditions, David Rodin and Richard Sorabji (Ed.), Ashgate, London, 2006; The Ethics of War: State of the Art // Journal of Applied Philosophy. 2006. Vol. 23. No. 3. P. 241–247.

7. Schauer Frederick F. «Pit Bulls, Golden Retrievers, and Other Dangerous Dogs» in «Profiles, Probabilities and Stereotypes» by Frederick Schauer. Cambridge, Mass.: Belknap Press of Harvard University Press, 2003. P. 55–78.

8. Shue Henry. Torture // Philosophy and Public Affairs. 1978. Vol. 7. No. 2. P. 124–143.